

Д. А. Ростиславлев

ИЗ ИСТОРИИ ЖУРНАЛИСТИКИ ПЕРИОДА ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ГАЗЕТЫ Ж.-Р.Эбера «Пер Дюшен»

Европейское Просвещение и Французская революция. М., 1988. С.72-94.

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* ©

Воздействие Великой французской революции на общественную жизнь страны сказалось и в подлинном расцвете журналистики этой эпохи. В словаре, изданном в 1790 г. и посвященном членам Коммуны Парижа, есть характерная запись: «Эти листки, некогда бывшие кормом для наших бездельников, сегодня стали пищей всех граждан. За ними гоняются, их вырывают друг у друга из рук и тут же проглатывают содержание... Музы умолкли, журналист один остался на сцене и пользуется огромным успехом. Газетный дождь проливается каждое утро наподобие манны небесной, и 50 листов, как солнце, выходят ежедневно, чтобы освещать все вокруг»¹. Среди наиболее известных изданий того времени был и «Пер Дюшен» Эбера. «При одном упоминании об этой газете две трети населения Франции охватывал ужас», - вспоминал в 1815 г. бывший член Конвента Паганель². Ф.Бреш, исследовавший «Пер Дюшен» в 20-е гг. нашего века, писал: «Это самый блестящий успех журналиста, к которому приближается лишь слава «Фонаря» Рошфора»³. Одним из великих журналистов всех времен назван Эбер в новейшей «Литературной истории Франции»⁴.

Автор «Пер Дюшена» был известным деятелем революции, видным членом Якобинского клуба, одним из вожаков клуба Кордельеров, Парижской Коммуны и народных обществ. С его именем связано сложное общественно-политическое течение - эбертизм, судьба которого тесно переплетена с участием в революции народных масс Парижа. Редкий историк французской революции не упоминал о газете Эбера, которая довольно регулярно выходила в течение трех с половиной лет и представляет собой важный источник для изучения взглядов автора и его соратников. Между тем, и в современной историографии нет сколько-нибудь определенной оценки эбертизма. Советские ученые рассматривали это течение в связи с проблемой классовой сущности якобинской диктатуры, вызвавшей немалые дискуссии в 70-х гг.⁵ Во Франции после 2-й мировой войны вышло несколько специальных работ, посвященных взглядам и деятельности Эбера. Если в книгах Ж.Вальтера⁶ и Л.Жакоба⁷ явно переоценивалась роль автора «Пер Дюшена» как вождя санкюлотов, то новейшие исследователи А.Летапи⁸ и М.Грей⁹ не без политического подтекста причисляли Эбера и других лидеров демократического движения к агентам роялиста барона де Батца.

Дальнейшее изучение эбертизма требует, видимо, не только привлечения дополнительных источников, но и новых методов анализа известных документов, в первую очередь, газеты «Пер Дюшен». Современники обращали внимание на особенности ее языка и формы¹⁰. Трудными историков и лингвистов создано 4 словаря листка Эбера, перечень образных выражений, намеренно неправильных грамматических форм¹¹. Ж.Вальтер составил список лиц, предметов и географических названий, упоминаемых в «Пер Дюшен»¹². Все же исследования такого рода ограничивались, как правило, задачами источниковедения и истории культуры. Сотрудник лаборатории изучения политических текстов института французского языка в Сен-Клу Ж.Гийому подверг словарь «Пер Дюшен» за 1793 г. обработке на ЭВМ и применил полученные результаты для анализа взглядов Эбера. Это позволило ему утверждать, что знаменитый журналист проводил курс на единство между народными массами и революционной буржуазией¹³. Указанный метод представляется нам весьма перспективным. В предлагаемой статье предпринята попытка осуществить комплексный анализ выделенных специалистами по истории культуры особенностей газеты «Пер Дюшен» для более всесторонней оценки деятельности Эбера на разных этапах Великой французской революции, в частности, в период якобинской диктатуры.

Жак Рене Эбер (1757-1794), родившийся в семье золотых дел мастера из Алансона; женатого на провинциальной дворянке, довольно рано почувствовал тягу к сочинительству. 16-ти лет, едва закончив коллеж, он опубликовал анонимный памфлет по случаю одного из провинциальных скандалов, в основе которого была тривиальная любовная интрига. Виньетка из скрещенных кинжалов предваряла текст, полный угроз в адрес противника будущего автора «Пер Дюшен». Изобличенный в этой проделке и желая избавить семью от уплаты крупного штрафа, Эбер бежал

из родного города в Париж. Оказавшись в столице без средств и связей, он вновь прибег к перу — и опять непредвиденные последствия: директор театра Варьете, отвергнув пьесы, предложил молодому сочинителю место контролера в ложах. Начало революции Эбер встретил выпуском новых брошюр и памфлетов, которые, впрочем, не выделялись на фоне массы печатной продукции того времени. Положение изменилось осенью 1790 г., когда он стал автором и редактором газеты «Пер Дюшен»¹⁴.

Эта газета состояла из 8-и страничек 11x16 и представляла собой типичное издание революционных лет, часто именуемое периодическим памфлетом. Наряду с «Другом народа» Марата и «Парижскими революциями» Прюдома «Пер Дюшен» была ярким представителем т.н. «прессы мнения» (в отличие от информационной и технической литературы)¹⁵. «Эти маленькие листки сражались, — писали в середине XIX в. братья Гонкур, авторы труда об истории французского общества во время революции. — Маленькие листки, которые в наши дни называют малой прессой. В этих маленьких листках были ярость, дерзость, смелость инициативы; они — первые в огне и последние в отступлении; и значимость борьбы заключалась в них»¹⁶. Известный историк журналистики Э.Атэн называл листки Фронды, знаменитые Мазаринады далеким предком малой прессы¹⁷. Но непосредственным предшественником газеты Эбера были памфлеты, наводнившие Францию после того, как стало известно о решении короля созвать Генеральные штаты. Среди них попадались листки, написанные от лица печника Папаши Дюшена, причем первый датируется еще февралем 1789 г. В апреле 1790 г. стал выходить периодический листок «Пер Дюшен», автором которого был некий Мон-Люси. Видимо, летом появились и первые отрывочные выпуски газеты Эбера. Однако эти издания просуществовали недолго из-за финансовых затруднений. Решительные перемены в судьбе периодического памфлета «Пер Дюшен» произошли в начале осени 1790 г. 26 сентября в типографии Трамбле вышел первый номер новой газеты Эбера, которая сразу же натолкнулась на жесткую конкуренцию со стороны еще двух одноименных публикаций, авторами которых были почтовый служащий Лемэр и аббат Жюмель. В 1790-1791 гг. в Париже выходило по меньшей мере 5 газет «Пер Дюшен»¹⁸. Историки прессы объясняют этот феномен тем, что в начале сентября 1790 г. произошел разрыв между умеренно-либеральным большинством Национального Собрания («конституционалистами») и левыми («демократами»), отстаивавшими всеобщее избирательное право. Те и другие усилили пропаганду с целью склонить на свою сторону народные массы¹⁹. Почему же форма листка «Пер Дюшен» оказалась наиболее приемлемой в этих условиях?

Беглого взгляда на газету Эбера достаточно, чтобы убедиться в ее необычности. Верхнюю часть первой страницы занимала лубочная картинка, на которой был изображен папаша Дюшен, персонаж балаганных представлений, с середины XVIII в. известный в литературе²⁰. Чтобы привлечь внимание читателей, виньетка зачастую окрашивалась гуашью. Заголовок набирался особым шрифтом; с 1791 г. он открывался словами «Великий гнев» или «Великая радость» Папаши Дюшена, что соответствовало психологическому настрою революционеров²¹ и помогало читателям узнать этот листок среди других одноименных изданий.

Газеты распространялись уличными разносчиками, и Эбер, сознавая важность рекламы, столь тщательно шлифовал текст заголовка, что Ж.Вальтер обнаруживал в нем своеобразную рифму²². Заинтересовать читателя должна была первая же фраза текста, обычно отрывистое восклицание. Необычным был язык, в которой сочетались термины из старофранцузского языка с распространенными в XVI-XVII в. и XVIII в. разговорными формами, брань перепекалась с латынью и словами неизвестного происхождения, большая часть которых была, видимо, придумана автором. Безупречные литературные обороты сменялись намеренными стилистическими и грамматическими огрехами²³. Каждый номер включал в себя одну или несколько сценок на злобу дня; Папаша Дюшен «наносил визит» королю, «исповедовал при помощи кулаков контрреволюционера аббата Мори», «беседовал» в раю с богом Отцом и Сыном», во главе санкюлотов «отправлялся» на защиту Парижа от войск австро-прусской коалиции, «объявлял войну» «кликке бриссотинцев», «во сне» выслушивал наставления «убитого Марата»²⁴ и т.д. Бок о бок с деятелями революции на страницах газеты Эбера мирно соседствовали герои древности и житий святых, знаменитости средних веков и философы Просвещения, персонажи известных сказок и выдуманные автором маски²⁵. Смысловая нагрузка отдельного листка была невелика — 1-2 проблемы, но обязательно тех, что возбуждали жгучий интерес читателей: речь шла о политической борьбе и снабжении продовольствием, государственном устройстве и религии. Номер «Пер Дюшена», как и других подобных изданий, стоил очень дешево — 2 су. Особенности газеты Эбера позволяют охарактеризовать ее как революционный лубок — вариант городской культуры, т.н. «примитива», основной социальной базой которого в новое время являлась ремесленная среда. О том же свидетельствует и литературная традиция: образ Папаши Дюшена был заимствован Эбером из рассказа, впоследствии вошедшего в развлекательный сборник

карнавальных шуток Карона²⁶, исследователи отмечали преемственность между автором «Пер Дюшена» и Скарроном, писателем XVII в., создавшим жанр бурлеска, т.е. «снижения» мифов, а также маску площадного актера Жадле. Порой Эбера называли «сыном Ваде»²⁸, имея в виду основателя стиля «пуассар» («языка торговков рыбой». — Д.Р.), использовавшего просторечье в драматургии. Литературоведы, лишь в наши дни вычленившие городскую культуру как особую, третью, находящуюся между «высокой», академической, и фольклором, называют лубок «бунтарским оружием примитива», популярным во времена народных волнений: в Германия — в эпоху реформации, в США — в период освобождения от английского колониального владычества; во Франции — в 1789-1794 г.²⁹

Обращение к народным массам не свидетельствовало, однако, об определенной политической ориентации. Весной 1791 г. в Париже выходило два контрреволюционных периодических листка «Пер Дюшен»³⁰. Герой-печник был изображен в них в качестве обманутого якобинцами очень недалекого человека, который, наконец, прозревает сам или при помощи эрзохота. Пародийность эбера откровенная насмешка над революционером из народа проявлялась в особенной даже для жанра «Пер Дюшен» грубости. Контрреволюционные издания следует, видимо, рассматривать как реакцию на успех публикаций Лемэра, Эбера и Жюмеля; но и среди них не было единства: первый тяготел к умеренным и враждовал с Маратом, а последний, напротив, был поддержан «Другом народа», пожурившим его лишь за чрезмерную горячность³¹. Издание, выходившее у Трамбле, сближали с газетой Жюмеля простота языка при внешней вычурности, обилие образных «сниженных» в литературном отношении выражений и злободневных сценок. Что касается листка Лемэра, он был сложнее своих конкурентов по структуре и более походил на памфлет, нежели на лубок: пристрастие автора к неологизмам было чуждо Эберу. Изображение на виньетке, однако, вносило коррективы.

На первой странице газеты Эбера был изображен Папаша Дюшен в виде молодого человека приятной наружности, одетого в костюм национального гвардейца. В 1793 г. Эбер вспоминал о том, что в начале революции он записался в национальную гвардию, но позднее был исключен оттуда вместе с другими патриотами³². Однако в конце 1790 г., когда народные художники беспощадно разоблачали дворянство и духовенство³³, подобная картинка выглядела нейтральной, свидетельствовала о неопределенности политической позиции издателей. Не случайно в виньетке заимствовались так называемые «мальтийские кресты» из умеренной газеты Лемэра. В № 13, вышедшем в конце января 1791 г.³⁴, картинка изменилась: главный герой — грозного вида усатый человек — облачен в одежду простолюдина, вооружен двумя пистолетами и топором, который он занес над коленопреклоненным священником, имя жертвы было известно: аббат Мори, один из лидеров контрреволюционной части Учредительного Собрания, которого Эбер преследовал в газете³⁵ и отдельных памфлетах³⁶. Современники без труда определили, что эту картину Эбер почти целиком заимствовал у своего конкурента «слева» аббата Жюмеля³⁷. В № 23 «Пер Дюшена» «мальтийские кресты» были заменены изображением жаровень. Исследователи отмечали, что Эбер стал придерживаться определенного политического курса лишь в январе 1791 г., когда вступил в клуб Кордельеров³⁸. Еще в № 3 газеты, изданной у Трамбле, осуждались «завывания Марата» — сказывалась обида на автора «Друга народа», который 11 декабря 1790 г. с присущей ему резкостью назвал все листки «Пер Дюшен», за исключением выпускавшегося Жюмелем, контрреволюционными. Но в № 6 Эбер решительно поддержал Марата, против которого была развязана травля.

В какой мере изменение политического курса «Пер Дюшен» соответствовало эволюции во взглядах его автора? Это вопрос о правах Эбера в редакции. Подпись в конце двух первых номеров 1791 г. позволила Ф.Брешу выявить соавтора — некоего Грослея, который осенью того же года уехал в Лион и, вернувшись в столицу в апреле 1793 г., принялся выпускать листок, копировавший форму «Пер Дюшен», издававшейся у Трамбле. На легко объяснимое возмущение Эбера новоявленный конкурент заявлял в своей газете, что он принимал участие в составлении 3/4 из первой сотни номеров «его» (т.е. Эбера—Трамбле. — Д.Р.) издания. Бреш полагал, что сотрудничество Эбера с Грослеем началось в январе 1791 г. и завершилось осенью того же года в связи с отъездом последнего³⁹. Ж.Вальтер достаточно убедительно показал, что будущие соавторы были знакомы с весны—лета 1790 г.⁴⁰. Следовательно, Грослей мог участвовать в издании сначала отрывочных, а затем и периодически выходящих, но неномированных листов лета—осени того же года. В этом случае исчезновение букв Г.Н. в начале 1791 г. означает не начало, а конец сотрудничества. Такое объяснение рассеивает следующее недоумение: исчезнувшая начиная с № 3 подпись в конце листов объявлялась авторами в предыдущем номере отличительным признаком издания, по которому читатели должны были узнать его среди других конкурирующих памфлетов «Пер Дюшен». Все, однако, встает на свои места, если предположить изменение

состава авторов. Мотивом ухода Грослея из редакция Трамбле в начале 1791 г. могли быть политические соображения: по мнению Бреша, взгляды соавтора Эбера были довольно умеренными⁴¹. Стычка на страницах газет, которая произошла по возвращении Грослея из Лиона, не свидетельствует о дружеском расставании. Все это остается, однако, лишь предположением. Бесспорно одно: изменение тона, содержания и формы листка «Пер Дюшен» объяснялись не только эволюцией взглядов Эбера, но и новой расстановкой сил в редакции.

Интересно, что подпись автора появилась лишь в № 130 «Пер Дюшена» 6 мая 1792 г., через 3 дня после того, как в Законодательном Собрании была резко осуждена газета Марата⁴². Трамбле, очевидно, решил избежать возможных неприятностей, ведь Эбер весной 1792 г. активно поддерживал автора «Друга народа»⁴³. Тем более, у издателя «Пер Дюшена» был печальный опыт: двумя месяцами раньше он был арестован за № 115 своей газеты, содержащий крайне непочтительные выражения по адресу королевы⁴⁴. Что касается Эбера, то, оповестив читателей о своем авторстве, он смог осуществить давно задуманный план: покинуть Трамбле и издавать газету самому. В письмо сестре он объяснял свое решение коммерческими соображениями: газета приносила большие доходы, между тем как прижимистый Трамбле регулярно не платил даже положенного автору вознаграждения и оказался должником своего сотрудника⁴⁵. За этими расчетами отчетливо различима и политическая позиция: Эбер не страшился ответственности за выступления своей газеты накануне решительной охватки с роялистами, объединявшими вокруг себя все контрреволюционные силы. 158-й выпуск «Пер Дюшена» вышел 28 июля из типографии на улице Сен-Барб, 5 секции Бон-Нувель⁴⁶. Совладельцами были Эбер и Жан-Шарль Марке, который впоследствии, 2 июня 1793 г., возглавил Центральный комитет, руководивший восстанием против жирондистов⁴⁷. От секции Бон-Нувель автор «Пер Дюшен» и новоявленный предприниматель был избран вместе с фабрикантом по производству тесьмы Булэ в состав Повстанческой Коммуны 10 августа 1792 г.⁴⁸

Воздействие газеты Эбера на общественную жизнь Франции было возможно лишь при условии больших тиражей и широкого распространения. Мы не располагаем прямыми сведениями на этот счет, однако, для периода 1790-1792 гг. ничто не позволяет выделить ее среди других парижских изданий. Положение, видимо, изменилось с осени 1792 г., когда Эбер стал одним из руководителей Коммуны. В начале января 1793 г., его листок называли в Якобинском клубе «муниципальным Пер Дюшеном»⁴⁹. Это позволяет предположить, что он распространялся Коммуной в секциях. Не случайно, когда в конце мая 1793 г. Эбер был арестован жирондистской «комиссией 12-ти» за № 239 «Пер Дюшен», муниципалитет проявил просто лихорадочную активность в защиту принципа «свободы печати»⁵⁰. После победы восстания 31 мая — 2 июня в Париже издание Эбера оказалось в исключительно благоприятных условиях: во-первых, вынуждены были замолчать конкуренты, а, во-вторых, «Пер Дюшен» в числе нескольких «патриотических» газет закупался военным ведомством для рассылки в армию⁵¹. К.Демулен утверждал, что в его распоряжении были выписки из Национального казначейства, свидетельствовавшие о том, что Эбер получил 135 тыс. ливров 2 июня и еще 60 тыс. в октябре за 600 тыс. экземпляров своей газеты⁵². С осторожностью относясь к свидетельству политического противника автора «Пер Дюшена», критически оценим и ответ последнего, не желавшего афишировать свои доходы перед читателями-санкюлотами. В январе 1793 г. Эбер утверждал, что первоначально (т.е. в июне 1793 г. — *Д.Р.*) подписка не превышала 3 тыс. экземпляров, затем достигла 6 тыс., а впоследствии (очевидно, с середины сентября 1793 г.⁵³ — *Д.Р.*) - 12 тыс. экземпляров, причем и этот тираж был явно недостаточным и комиссары Конвента в армии вынуждены были переиздавать «Пер Дюшен» на местах⁵⁴. Всего за полгода было выпущено 900 тыс. листов «Пер Дюшен», и вырученная от их продажи сумма, по словам Эбера, не превышала 90 тыс. ливров, причем половина принадлежала компаньону Марке, а из оставшихся нужно было еще вычесть жалование 10 рабочим, стоимость помещения и приобретенных прессов⁵⁵. Следует, однако, учитывать, что отдельные номера этой газеты выходили огромными — до 600 тыс. экземпляров — тиражами в качестве официальных правительственных документов⁵⁶; именно так она воспринималась в департаментах⁵⁷. Целые части из «Пер Дюшен» перепечатывались иногда другими газетами⁵⁸. Не следует забывать и о частной подписке, которая охватывала разные уголки Франции⁵⁹.

Таким образом, взлет популярности листка Эбера относится к периоду якобинской диктатуры. И это не случайно, ведь на страницах газеты «Пер Дюшен» была создана целая галерея народных героев того времени: это кум Матьё, сапожники Крепен и Лемпен, аббат Куражё (Храбрец) и др.⁶⁰. Жена папаши Дюшена — Жаклин — патриотка и отличная хозяйка, немного болтлива, но храбра до безумия — лучшая подруга для санкюлота. Главный герой Эбера — плебейский революционер, патриот и народный защитник. Он отважен, вспыльчив, но отходчив, доверчив, искренен и болтлив. Папаша Дюшен — моралист, любит поучать; непримиримый в отношении большинства пороков, он,

однако, не прочь "пропустить" стаканчик вина. Запоминающейся была внешность: «Вообрази себе, прежде всего, молодца, квадратного, коренастого, представительного; представь пушистые усы, трубку наподобие печной трубы и широкую глотку, откуда непрестанно валят клубы дыма; взгляни на густые глаза и сверкающие от гнева брови⁶¹, когда он размышляет обо всех бедах, которые вы, людоеды (т.е. аристократы. — Д.Р.) причинили человеческому роду; да, черт возьми, этот ужасный облик даст тебе лишь слабое представление о папаше Дюшене»⁶². Уже упоминавшийся современник революции Паганель писал об Эбере: «Он составлял свои краски и картины с натуры, находя и изучая модели на набережных и рынках, наподобие того, как Мольер изучал маркизов при дворе, врачей в будуарах и ученых в академиях»⁶³. Добавим, что автор «Пер Дюшена» регулярно встречал прототипы для своих персонажей на заседаниях Генерального Совета Парижской Коммуны, клуба Кордельеров, на собрании секции, наконец, в собственной доме, поскольку часть здания на Кур де Миракль, где с начала 1793 г. проживала семья Эбера, была занята под комитеты секции Бон-Нуфель⁶⁴. Английский исследователь Р.Кобб, составляя обобщенный психологический портрет плебейского революционера 1793-1794 гг., комментировал характерные черты при помощи цитат из «Пер Дюшен»⁶⁵. А.Собуль, специально изучавший народные движения в Париже во 2-м году Республики, называл эту газету «эхом санкюлотов» и неоднократно приводил примеры из нее при рассмотрении политических и социально-экономических устремлений секционных борцов в период якобинской диктатуры»⁶⁶.

Талантливо воплотив в образе печника панаша Дюшена характеры, присущие плебейским вожакам, Эбер при помощи огромных по тому времени тиражей своего листка навязывал соответствующий образ мыслей и действий значительной части населения Франции⁶⁷. Стереотипы, созданные на страницах «Пер Дюшен», воздействовали и на активистов. Так, солдаты революционной армии, созданной осенью 1793 г., пытались копировать внешность печника-санкюлота, для чего отпускали себе усы, а офицеры усваивали его язык⁶⁸. У арестованных после 9 термидора секционных активистов находили при домашнем обыске листки Марата и Эбера. Это показательный факт, поскольку обычно санкюлоты знакомились с новостями печати на собраниях секций, где наиболее грамотные люди зачитывали вслух свежие газеты.

Интересно, что сам Эбер был во многом полной противоположностью созданному им персонажу. «Как удивятся наши потомки, — писал Паганель, — когда узнают, что автор этой газета не был грубым, безнравственным и жестоким: нежное лицо, подкупающая веселость, живой ум выделяли его среди революционеров; и образованность вкупе с талантом обещали обществу нечто иное, нежели составление мятежного листка, а самому ему — конец не на эшафоте»⁷⁰. По воспоминаниям современников, Эбер был невысокого роста, изящен, одевался с иголки, носил запудренный парик и смеялся над прокурором Коммуны Шометтом, ходившим в деревянных башмаках⁷¹.

О его образованности свидетельствуют многочисленные цитаты из авторов древности, литературы Возрождения и нового времени, знание истории и мифологии, употребление множества географических названий⁷². Эбер знал латынь, стилистические совершенства отдельных фрагментов «Пер Дюшен» восхищали лингвиста Ф.Брюно, который в то же время называл автора этой газеты «Гомером грубости»⁷³. Параллельно своему знаменитому листку Эбер выпускал совершенно корректную по форме и стилю «Вечернюю газету», отдельные его памфлеты, сохраняя воодушевление и образность речи, не обрушивали на читателей непристойности «Папаша Дюшена»⁷⁴. Деженетт, известный своим участием в наполеоновских походах, однокашник Эбера по коллежу в Алансоне, описал любопытную сцену, свидетелем которой он был в доме знаменитого журналиста. Посреди изысканного обеда, оживленного непринужденной беседой, Эбера. вызвали в соседнюю комнату, где его ожидал некий санкюлот. Деженетт услышал, что к посетителю обратился не его приятный собеседник, а сам Папаша Дюшен⁷⁵.

Практически все, писавшие об Эбере, подчеркивали различия между автором и героем знаменитой газеты, Ленотр, затронувший этот сюжет в своей серии книг «Картины Парижа», называл указанное противоречие причиной гибели Эбера⁷⁶. Для Матера, д'Эстре и Бреша оно служило доказательством двуличия и демагогичности журналиста и заместителя прокурора Парижской Коммуны⁷⁷. А.Собуль и Ж.Вальтер призывали абстрагироваться от личности автора и изучать лишь газету⁷⁸. Летапи и М.Грей черпали в этом основания для того, чтобы сделать возможными свои обвинения в адрес Эбера как агента роялистов⁷⁹. Между тем, уже в сценке, описанной Деженеттом, обращает на себя внимание тот факт, что санкюлот не был поражен внешностью вышедшего к нему Папаша Дюшена. Возвратившийся позже в комнату Эбер подтвердил, что он обычно так говорил в общественных местах⁸⁰. Документы сохранили рассказ простой работницы о том, как она повстречала «Папашу Дюшена», пожаловалась на

несправедливость хозяина мастерской, и он обещал помочь⁸¹. В материалах революционного трибунала к имени Эбера обычно прибавлена: «прозванный Папашей Дюшеном»⁸². Изысканно одетый, в напудренном парике, политический деятель, изъяснявшийся на языке «Папаша Дюшена» был, таким образом, реальной фигурой Великой французской революции и пользовался особой популярностью во время якобинской диктатуры.

Для объяснения этого феномена важно, прежде всего, отметить неоднозначность образа, созданного Эбером. Ж.Гийому определил, например, что слово «санкюлот» в устах «Папаша Дюшена» имело двойное толкование: в узком, «социальном смысле» оно означало трудящегося, причем не обязательно бедняка, а чаще мелкого собственника, лицо свободной профессии, зарабатывающее себе на жизнь; широкое же, «политическое» понимание этого слова позволяло причислить к санкюлотам любого сторонника революции, включая крупного буржуа, вроде Камбона, возглавлявшего финансовую комиссию Конвента⁸³. Стилистический анализ газеты позволил предположить, что она выполняла функции связи между народными требованиями и их теоретическим оформлением политическими группировками, будь то якобинцы или «бешеные»⁸⁴. Подмеченная неоднозначность проявляется и в литературных особенностях «Пер Дюшен», например, в отношении раблезианской традиции. Следуя за литературой XVIII в., утратившей понимание народно-праздничного смеха, составлявшего суть философии Рабле⁸⁵, Эбер трактовал образ Гаргантюа как чисто сатирический. В представлении «Пер Дюшена» — это король-толстяк, который много ест и пьет, а потому дорого обходится своему народу⁸⁶. Прозвищем «Гаргантюа» Эбер «наградил» своего политического противника дантониста Делакура, намекая тем самым на смертельно опасное во времена якобинского террора сходство между тучным по комплекции защитником нуворишей с казненным Людовиком XVI⁸⁷. Но утраченный в образе главного героя романа раблезианский мир народной культуры воскресал в образном языке «Пер Дюшен», в смешении жанров, например, при описании сцен террора, когда, как отмечал французский историк М.Вовель, к убийству «примешивается насмешка, своего рода мрачный юмор и едва ли не праздник»⁸⁸. Об особенностях юмора газеты Эбера писал и Р.Кобб⁸⁹. Именно на ее страницах появились и популяризировались названия, вроде «национальная бритва», «форточка» (гильотина. — *Д.Р.*), «национальный укорачиватель» (палач. — *Д.Р.*), «корзинка» для отрубленных голов и др.⁹⁰.

Разнообразные проявления социального дуализма, выявленные при анализе лингвистических и литературных особенностей «Пер Дюшен», совершенно теряются в мешанине языков, стилей, персонажей и эпох, объединенных в революционном лубке Эбера. Причем, это единство не было только жанровым. Сюжеты прошлого или мифы не отвлекали читателя от событий революции; напротив, они призваны были объяснить простым людям, что нужно делать и кого опасаться. Смерть Сократа предстала на страницах «Пер Дюшен» как история об убийстве защитника санкюлотов бандой тиранов, фейянов и жирондистов⁹¹; Иисус Христос трактовался как основатель народных обществ⁹², а рассказ о завоевании галлов Цезарем помогал осознать всю низость и опасность измены, совершенной генералом Дюмурье, который пытался весной 1793 г. повести свою армию на Парик, а затем бежал к неприятелю⁹³.

Некоей целостностью обладал и язык «Пер Дюшена». Ж.Вальтер отмечал, что если в 1790 г. Эбер лишь переводил лозунги революции для бедноты, то впоследствии язык его газеты стал истинно народным⁹⁴. Эта точка зрения противоречит мнению Ф.Бреша и Ф.Брюно⁹⁵. Последние, однако, обращались для сравнения к традиционным формам просторечия. Между тем новейшие исследования указывают на то, что формирование народного языка продолжалось во время революции в условиях господства буржуазии, стремившейся к установлению единого национального языка⁹⁶. Ж.Гийому называл Эбера одним из глашатаев народа, которые переносили народные традиции языка в риторические (т.е. литературные. — *Д.Р.*) формы, выглядевшие народными⁹⁷. Язык «Пер Дюшен» перешагнул рамки литературной условности: на нем говорили во времена революции⁹⁸. Он стал символом демократизма блока социальных сил, сложившегося в ходе борьбы с жирондистами и получившего название якобинского. Об этом свидетельствует история революционного лубка Эбера.

На заседании Якобинского клуба 1 января 1793 г. почти единодушно было одобрено предложение распространить в народных обществах брошюру известного якобинца Дюбуа-Крансе, написанную, как выразился выступивший с этой инициативой Дефьё, в «стиле «Пер Дюшен» Коммуны. Заявление Дюфурни о том, что Общество «скомпрометирует себя, если «заговорит» на языке «Пер Дюшен», не встретило поддержки⁹⁹. Между тем, в словах этого умеренного политического деятеля был свой резон: предпринятая в 1792 г. попытка некоего Полле установить союз между "Пер Дюшеном" и Обществом Друзей Конституции не имела успеха¹⁰⁰. В то время якобинцы вполне удовлетворяли свой демократизм изданиями вроде «Альманаха Пер Жерара»

Колло д'Эрбуа, где прототип известного депутата Учредительного Собрания на безукоризненно литературном языке «беседовал» с крестьянами о принципах свободы, национальном суверенитете и конституции¹⁰¹. К началу 1793 г. Общество было демократизировано: из его состава вышли сторонники Бриссо, их места заняли «люди 10 августа». 6 января якобинцы рукоплескали приему в клуб прокурора Коммуны Шометта и его заместителя Эбера, причем последний был представлен как «автор великолепных писем» «Пер Дюшен»¹⁰². Выше отмечалось резкое увеличение тиража «Пер Дюшен» в период якобинской диктатуры. Следует учитывать, это происходило на фоне сокращения числа демократических изданий¹⁰³. Характерно, что очередной издательский взлет газета Эбера пережила в сентябре 1793 г., когда плебейский натиск, с трудом возглавленным Парижской Коммуной, вынудил революционную буржуазию принять часть народных требований. Но тогда же исчезли газеты лидеров «бешеных», причем в расправе с Жаком Ру принял участие автор «Пер Дюшена»¹⁰⁴. Борьба политических группировок, неизбежная в социально-неоднородном якобинском блоке, в полной мере сказалась в судьбе издания листка Эбера. Много сделали для распространения «Пер Дюшен» военный министр Бушотт, известный своими левыми симпатиями, и особенно генеральный секретарь военного ведомства Венсан — один из лидеров эбертистов. В Якобинском клубе газета и ее автор пользовались неизменной поддержкой влиятельного эбертиста Моморо¹⁰⁵, Правые, ориентировавшиеся на Дантона, порой препятствовали изданию «Пер Дюшен». Главным врагом этого листка зимой 1793/1794 гг. стал «Старый кордельер» К.Демулена¹⁰⁶. В период кризиса якобинского блока вспыхнули споры вокруг особенностей «Пер Дюшен», с которыми ранее вполне мирились. В марте 1794 г. Общество друзей свободы Тулузы раздирает спор о том, нужно ли пропускать при чтении вслух т.н. «неупотребляемые» слова из этой газеты. Но позиции патриотов были еще сильны, и Общество приняло решение читать «Пер Дюшен» без изъятий. Столь своеобразную оппозицию эбертисты встретили и в столице¹⁰⁷. После казни Эбера и его сподвижников видный член Конвента аббат Грегуар заявлял: «Грязный стиль был присущ Капету и Эберу; допустимо ли, чтобы язык тирана и контрреволюционера пачкал уста республиканцев?»¹⁰⁸. Тогда же началась репрессивная политика Конвента против диалектов с целью унификации языка¹⁰⁹. Прекращение издания «Пер Дюшен» обычно связывают с исчезновением народной прессы¹¹⁰.

Фигура Эбера, революционера, щегольски одетого и изъясняющегося на языке санкюлотов, являлась, таким образом, отражением сложности якобинского блока, своего рода знаменем времени, когда революционный лубок сливался с реалиями политической борьбы и становился частью общественного сознания Франции. О последнем свидетельствует множество конкурирующих изданий и подделок. Помимо них, выходили листки «Мамаша Дюшен», «Сын Дюшен», «кузен», «внук», «правнук», «младший брат» вплоть до «тети»; газеты от имени «друзей» печника: «Жан Бар», «Папаша Жан», «Папаша Жерар», «Папаша Радость», «Капитан Буря» и др.¹¹¹. Причем, если газетная «семья Дюшен» формировалась под влиянием успехов изданий Эбера, Лемэра и Жюмеля, то отдельные листки «друзей» (например, «Жан Бар» — Д.Р.) появились еще в 1789 г. Велика была популярность «Пер Дюшена» во времена революции 1848 г.¹¹². Всего же за период с 1792 по 1896 гг. только в

Париже было осуществлено 21 издание «Пер Дюшен»¹¹³. Последнее из известных предприняли бойцы французского Сопротивления в годы Второй мировой войны¹¹⁴. Но все они в истории культуры остались потомками знаменитого революционного лубка эпохи Великой буржуазно-демократической революции конца XVIII века.

Д. А. Ростиславлев ИЗ ИСТОРИИ ЖУРНАЛИСТИКИ ПЕРИОДА ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Примечания

¹ Epithete. Dictionnaire nationale et anecdotique dedie a MM. les Representants de la Commune de Paris. Paris, 1790.

² Paganel P. Essais historiques et critiques de la Revolution, T.3. Paris, 1815. P. 258.

³ Braesch F. Le Pere Duchesne d'Hebert. Paris, 1922-1938. P.85.

⁴ Histoire litteraire de la France. T. 5. Paris, 1976. P.373.

⁵ Проблемы якобинской диктатуры. Симпозиум в секторе истории Франции института всеобщей истории АН СССР // Французский ежегодник. 1970. М., 1972; Ревуненков В.Г. Гибель эбертистов // Вопросы истории, 1974, № 6. С. 133-145. Общая характеристика взглядов Эбера содержится в последующих трудах В.Г.Ревуненкова. См.: Очерки по истории Великой французской революции. Якобинская диктатура и ее крушение. Л., 1983, С. 150-158.

⁶ Walter G. Hebert le pere Duchesne. Paris, 1946.

⁷ Jacob L. Hebert le pere Duchesne, chef des Sans-culottes. Paris, 1961.

- ⁸ Lestapis A. de. La conspiration de Batz. Paris, 1969.
- ⁹ Grey M. Hebert le pere Duchesne. Agent royaliste. Paris, 1983.
- ¹⁰ Paganel P. Op.cit. T.2. P.257; Feuille villageoise, 7 juin 1792 // Hatin E, Histoire politique et litteraire de la presse en France. T.6, Paris, 1861. P.453.
- ¹¹ Braesch F. Op.cit. P. 147-157; Brunot F. Histoire de la langue francaise des origines a nos jours. T.10. Paris, 1968. P.466-470; Walter G. Op.cit. P.393-399; Guilhaumou J. L'ideologic du Pere Duchesne: les forces adjuvantes // Le mouvement social, oct.-dec. 1973. Paris. P.81-116; idem. Lecture d'une concordance: pain dans le pere Duchesne d'Hebert // Histoire moderne et informatique. 1984. N 4. P.84-95.
- ¹² Walter G. Op.cit. P.407-424.
- ¹³ Guilhaumou J. L'ideologie du pere Duchesne. P.114-116.
- ¹⁴ Подробнее о биографии Эбера см. Mater M.D. J.R.Hebert, l'auteur du pere Duchesne, avant la journee du 10 aout 1792 // Memoires de la societe historique du Cher (188). T.4. Bourges, 1888. P.9-135.
- ¹⁵ Подобное деление см.: Perronet M. 50 mots de clefs de la Revolution francaise. Toulouze, 1983. P.229-230.
- ¹⁶ Goncourt E. et G. Histoire de la societe francaise pendant la Revolution francaiae. Paris, 1904.P.239.
- ¹⁷ Hatin E. Bibliographie historique et critique de la presse periodique francaise. Paris, 1866. P.21.
- ¹⁸ Braesch F. Op.cit. P.52.
- ¹⁹ Braesch F. Op.cit. P.52. Histoire generale de la presse francaise. T.1. Paris, 1969. P.457.
- ²⁰ Hatin E. Histoire politique et litteraire de la presse francaise. T.6. P.453; Histoire generale de la presse francaise. T.1. P.456.
- ²¹ Cobb R. Quelques aspects de la mentalite revolutionnaire. // Terreur et subsistance. Paris, 1965. P.8-33; Vovelle M. La mentalite revolutionnaire. Paris, 1985.
- ²² Walter G. Op.cit. P.296-297.
- ²³ Braesch F. Op.cit. P.155-157.
- ²⁴ Pere Duchesne. NN 32, 46, 53, 168, 187,207, 279.
- ²⁵ См. перечень имен, составленный Ж.Вальтером; op.cit. P.407-419.
- ²⁶ Caron P. Le plat de Carnaval. Paris, 1804.
- ²⁷ Brunot F. Op.cit. T.10. P.179.
- ²⁸ Grand dictionnaire universel du XIX siecle. T.6. P.1332.
- ²⁹ Прокофьев В.Н. О трех уровнях художественной культуры нового и новейшего времени // Примитив и его место в художественной культуре нового и новейшего времени. М., 89. 1983. С.15-19.
- ³⁰ Tournau M. Bibliographie de l'histoire de Paris pendant la Revolution francaise. T.2. Paris, 1893.
- ³¹ L'Ami du peuple. № 393. 11 dec. 1793.
- ³² J.R.Hebert. a Camille Desmoulins et compagnie. Paris, 1794.
- ³³ Калинина Н.Н. Народная картинка времени Великой французской революции и ее место в культуре Франции // Советское искусство. Знание. М., 19Ь6. С .370, 373.
- ³⁴ Эбер нумеровал свои листки лишь с начала 1791 года.
- ³⁵ Мори пытался найти управу против дерзкого листка в полиции и Учредительном Собрании, но безуспешно. См.: Mater M.D, Op.cit. P.64-65.
- ³⁶ Vie privee de l'abbe Maury. Paris, 1790; Suite de la vie privee de l'abbe Maury, Paris, 1790.
- ³⁷ Desmoulins U. Le vieux cordelier, N 5. В Плагате Эбера обвинял и сам аббат Жюмель. См.: Pere Duchesne, N 25, . Paris, 1793. P.7-S.
- ³⁸ Braesch F, Op.cit, P.114; Histoire generale de la presse francaise, T.1. P. 457.
- ³⁹ Braesch F.Op.cit. P.98-99.
- ⁴⁰ Valter G. Op.cit. P.36.
- ⁴¹ Braesch F. Op.cit. P 99.
- ⁴² Histoire generale de la presse francaise. T.1. P.501.
- ⁴³ В апреле 1792 г. Эбер — председатель клуба Кордельеров — был вдохновителем адресов этого общества к Марату с предложением продолжить прерванное им издание газеты «Друг народа». Опубл. в кн.: Mater M. Op.cit. P.105-106.
- ⁴⁴ Ibid. P.99.
- ⁴⁵ Опубл. в кн.: Mater M. Op.cit. P.19.
- ⁴⁶ Эбер покинул Трамбле в конце мая 1792 г. и до конца июля сотрудничал с оставшимся неизвестным литератором. Braesch F. Le dernier domicile du Pere Duchesne. // Revolution francaise. Paris, 1923. T.76. P.314-316.
- ⁴⁷ Mathiez A. A.Marquet // Annales revolutionnaires. Paris, 1923. P.37-41.

- 48 Buchez P.J. et Roux P.C. Histoire Parlementaire de la revolution francaise. T. 16. P. 412.
- 49 La Societe des jacobins. T.4. Paris, 1895. P.636.
- 50 Wallon H. La revolution du 31 mai. Paris, 1886. T.1. P.216-246.
- 51 Hatin E. Histoire politique et litteraire de la presse in France. T. 6. P. 495.
- 52 Vieux Cordelier, N 5. La Societe des jacobins, T.5. P.593.
- 53 Tuetey A. Repertoire general des sources manuscrites de l'histoire pendant la Revolution francaise. T.II. Paris, 1914.
- 54 О перепечатке газеты «Пер Дюшен» на местах см.: La Societe des Jacobins. T.5. P.435.
- 55 J.R.Hebert... a Camille Desmoulins et compagnie.
- 56 Hatin E. Bibliographie... P.194; Braesch F. Le Pere Duchesne. P.86.
- 57 Brunot F. Op.cit. T.10. P.193.
- 58 Парижская газета «Abreviateur universel » в № 362 от 26 декабря 1793 г. перепечатала большую часть № 327 «Пер Дюшен». См. также: La Societe des Jacobins. T. 5. P. 268.
- 59 Une enveloppe historique: la mort du Pere Duchesne // L'intermediere des chercheurs et curieux. V.46. Paris, 1902. P.447-448.
- 60 См. список, составленный Ж.Вальтером: Op. cit. P.418.
- 61 Намеренная ошибка, типичная для лубка Эбера.
- 62 Pere Duchesne, N 117.
- 63 Paganel P. Op.cit. P.216.
- 64 Braesch F. Le dernier domicile du Pere Duchesne. P.339.
- 65 Cobb R. Quelques aspects de la mentalite revolutionnaire. P.3-17.
- 66 Собоуль А. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1976.
- 67 По подсчетам А.Собоуля и М.Вовеля, не более 10% горожан были активными революционерами. См.: Собоуль А. Указ. соч. С. 315. Vovelle M. La mentalite revolutionnaire. Paris, 1985. P.111.
- 68 Cobb R. Les armees revolutionnaires instruments de terreur dans les departements. Paris, 1961. P.106.
- 69 Soboul A. 1789. La France revolutionnaire, Realite et idees neuves // Histoire litteraire de la France. T.5. P.396.
- 70 Paganel P. Op.cit. T.2. P.259.
- 71 Desgenettes D. Souvenirs du XVIII siecle au commence- ment du XIX. V.2. P.237-242.
- 72 См.перечень имен и библиографию, составленные Д.Ж.Вальтером.
- 73 Brunot F. Op.cit. T.10. P.184-186.
- 74 Journal du soir sans reflexions et Courrier de Paris et de Londres reunis. Paris, 1791-1794.
- 75 Desgenettes D. Op.cit. T.2. P.241-242.
- 76 Lenotre G. Vieilles maisons, vieux papiers, 2eme serie. Paris, 1903. P.381.
- 77 Mater M. Op.cit. P.12; Braesch F. Op.cit. P.122.
- 78 Soboul A. Avant-propos.de: Lestapis A. de. La conspiration de Batz. P. IX; Walter G. Op.cit, P.8-9.
- 79 Lestapis A. de. Op.cit.; Grey M. Op.cit.
- 80 Desgenettes D., Op.cit. T.2. P.242.
- 81 Markov V., Soboul A. Die Sansculotten von Paris. Berline, 1957. P. 406.
- 82 Ibid, P. 426.
- 83 Критерий, избранный в газете «Пер Дюшен », объединял, таким образом, ее автора и издателя с героем-печником в одну социальную группу.
- 84 Guilhaumou J. Lecture d'une concordance: pain dans le Pere Duchesne d'Hebert. P.88-89.
- 85 Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья. М., 1965. С.128-132.
- 86 Pere Duchesne, № 275, 281, 310. Так же Гаргантюа рассматривался в книге Женгоне, по мнению М.Бахтина (Указ.соч. С.132), основном раблезианском документе эпохи буржуазной революции. Ginguene P.L. De l'autorite de Rebelais la revolution, Paris, 1791.
- 87 Назарян А.Г. История развития французской фразеологии. М., 1981. С.117.
- 88 Вовель М. К истории общественного сознания эпохи Великой французской революции // Французский ежегодник, 1983. М., 1985. С.142.
- 89 Cobb K. Quelques aspects de la mentalite revolutionnaire. P.8.
- 90 Интересно, что Гаргантюа вновь приобрел черты карнавальной маски в русском лубке, куда он попал в эпоху крестьянской войны под руководством Пугачева. См.: Сакович А.Г. Русский настенный лубочный театр XVIII-XIX вв. // Примитив и его место в художественной культуре нового и новейшего времени. С.47.

- ⁹² Ibid, , N 323, 324.
- ⁹³ Ibid., N 223.
- ⁹⁴ Walter G. Op.cit. P.293.
- ⁹⁵ Braeach F, Le Pere Duchesne. P. 126-127; Brunot F. Op. cit. T.10. P. 181-183.
- ⁹⁶ Balibar R., Laporte R. Le francais nationale. Paris, 1974. P.81- 118;. 189-190.
- ⁹⁷ Guilhaumou J. L'effet populaire dans le Pere Duchesne. P.414.
- ⁹⁸ Луи Блан указывал, что на языке газеты «Пер Дюшен» изъяснялся и знаменитый генерал революции Л.Гош. См.: Блан Л. История Французской революции. Т.10. СПб., 1910. С.98.
- ⁹⁹ La Societe des jacobins. Т.4. P.636.
- ¹⁰⁰ Journal populaire ou le peuple et ses amis. Paris, 1782, Tourneux M. Bibliographie de l'histoire de Paris pendant la Revolution francaise. Т.2. P.653.
- ¹⁰¹ Collot d'Herbois J.M. Almanach du pere Gerard. Paris. 1792.
- ¹⁰² La Societe des jacobins., Т.4. P.650.
- ¹⁰³ Калинина Н. Н. Народная картинка времени Великой французской революции и ее место в культуре Франции. С. 381.
- ¹⁰⁴ Buchez P.J. et Roux P.C. Op. cit. Т.28. P.480-481.
- ¹⁰⁵ La Societe des jacobins. Т.5. P.435, 473, 524, 628.
- ¹⁰⁶ Le Vieux Cordeliers, N 2, 3, 5 etc.
- ¹⁰⁷ Brunot F. Op. cit. Т.10. P.192.
- ¹⁰⁸ Certeau M.de, Julia D., Revel J. Une politique de la langue. Paris, 1975. P.302.
- ¹⁰⁹ Ibid. P.94-105.
- ¹¹⁰ Walter G. Op.cit. P.218.
- ¹¹¹ Braeech F. Le Pere Duchesne . P.86.
- ¹¹² Hatin E. Bbliographie historique et critique de la presse periodique francaise. P. 452-455.
- ¹¹³ Histoire generale de la presse francaise. Т.1. P.459.
- ¹¹⁴ Jacob L. Op. cit. P.16.